

люди искусства

СМЕХ, ЛЮБОВЬ И ФАНТАЗИЯ

Э. ГРАФОВ

Вот такая уж счастливая судьба у Сергея Александровича Мартинсона — услышав его фамилию, люди улыбаются. Его любят! О чем еще может мечтать актер! А ведь на своем веку он играл одних злодеев, в лучшем случае — злодейчиков. А все равно любят. Кожей своей зрительской чувствуют, зачем он играет «этих», во имя чего, да к тому же так здорово играет. Потому и любят.

Вот это «во имя чего» очень важно для понимания творчества Сергея Александровича. Для некоторых зрителей, особенно любителей повеселиться, он актер, который может насмешить до упаду, с которым не соскучишься, они смакуют в своей памяти его неповторимое лицедейство, его непревзойденную «игру ног». И это говорится совсем не в упрек им. Он действительно неисчерпаем в своем юморе, а, как писал Виктор Шкловский, «на дне искусства гнездится веселость». У нас наперечет актеры, которые способны, подобно Мартинсону, изобразить на лице такое уж эдакое, что вовек не забудешь. Он действительно непревзойденный мастер внешнего сатирического, юмористического рисунка. Недаром о нем говорят, что он гримирует не только лицо, но гримирует походку, жесты, движения. Все это только его, лично его, Сергея Александровича Мартинсона. Он действительно король гротеска. И в нашем искусстве таких «коронованных особ» хорошо, если на памяти две-три.

Гротеск — только средство для Мартинсона (для слабых актеров — это самоцель) И вот тут вступает в силу то самое «во имя чего», которое блестящие актерские богатства превращает в большое искусство. Как ни покажется странным для «короля гротеска», он актер умудренного, реалистического понимания своего труда, толкования своих персонажей.

Сейчас уже мало очевидцев первых шагов Сергея Александровича. Что ни говорите, а ему исполняется 80 лет. Поэтому, пожалуй, уместно немного об этих первых шагах напомнить.

На приемных экзаменах в Петроградском институте сценического искусства Сергей Мартинсон читает не что-нибудь, а монолог Годунова.

Его подвел тот самый талант, который будет ему сопутствовать всю жизнь. «Годунов» рвал и метал, а приемная комиссия помирала со смеху. Наехотавшись, она отказала самым банальным образом. И только вмешательство маститого педагога Н. В. Петрова решило судьбу С. А. Мартинсона.

Первая его актерская служба — в маленьком театре «Вольная комедия». Голенастый парень изображал декольтированную балерину в желтых кудряшках и голубой затрепанной балетной пачке. Сверхзадача состояла в том, чтобы спотыкаться и падать. Публика хохотала. Однако самый закадычный доброжелатель не осмелился бы даже тихо подумать о том, что в искусстве пришел мыслящий актер.

Далее — работа в мастерской «ФЭКС». У Г. Козинцева и Л. Трауберга были обширные планы, а для начала они наметили совершить в искусстве переворот. В этих планах молодому актеру отводилось вполне пристойное место. Л. Трауберг, в сдержанных для него той поры выражениях, сказал так: «Констатирую наличие в Петрограде актера, владеющего будущим. — Сергея Мартинсона» И ему, кстати, довелось убедиться в том, что он не совсем ошибся.

Сергей Мартинсон снялся в фильме «ФЭКСов» «Похождения Октябрины»... Как-то один молодой актер с гордостью мне рассказывал о том, что он без дублера прыгнул с пятиметровой вышки в воду... Вот что рассказывает Сергей Александрович: «Я играл Кулиджа Керзеновича Пуанкаре, министра-интервента, и выскакивал из пивной бутылки, распитой нэпманом. Я прыгал с самолета на памятник Александру III (кстати, при этом я сломал ногу). Мы снимали то на крышах трамваев, то на куполе Исакиевского собора. С риском для жизни мы всюду делали кульбиты и сальто... В финале Кулиджа Керзеновича Пуанкаре превращался в футбольный мяч. Это было мое первое актерское перевоплощение».

У нас нет нужды выстраивать хронологический перечень. Речь идет о вехах. Роль Хлестакова в театре Мейерхольда была несомненным этапом на длинном, радостно-нелегком пути. Кто только не норовил внести в эту роль «свое», кто только не тужился изыскать в Хлестакове что-нибудь такое, чего никто и не подозревает. Феерический выдумщик Мартинсон взял да и сыграл «просто по Гоголю». Нет, это не случайность, это уже была для него закономерность — постижение смысла, вложенного автором, и воплощение его своими средствами.

Вот слова человека, обычно сдержанного в своих суждениях: «За внешней экспантриадой образа вырисовывалось его могучее, реалистическое начало... С тех пор прошло почти полвека, а я

помню «Ревизора» как одну из вершин актерского мастерства, мастерства, повторяю, реалистического». Это написал Сергей Аполлинариевич Герасимов.

Еще «ФЭКСы» восхищались в Мартинсоне «отсутствием переживания». Ой ли? Одна из крупнейших работ Сергея Александровича — роль Карандышева в «Бесприданнице» А. Островского на сцене Театра Революции. Вот уж где, казалось, артист мог дать волю своему таланту гротеска, без всяких там переживаний. Ничемный, смешной до глупости Карандышев даже сам о себе говорит: «Я смешной человек...» А вот Мартинсон не захотел смешить публику, не позволил себе смеяться над несчастным человеком. Его комедийный талант не опустился до насмешки, а обнажил голову перед трагедией, поняв в человеке главное, поняв в жизни главное — любовь. На полях роли Сергей Александрович записал: «Любовь к Ларисе может заставить меня почувствовать себя настоящим человеком. Я должен очень сильно верить в свое чувство. Ни Кнуров, ни Паратов, ни Огудалова, готовая продать свою дочь богатым покупателям, не могут поверить в истинность любви моего Карандышева. Им это незнакомо. А он ее любит, любит».

Целеустремленность в постижении сути роли, умение не идти на поводу у смешливого зрителя, неизменно высокий счет: во имя чего? Вот что главное в развеселом, вихреобразном Мартинсоне. Его гражданственность прошла через великое испытание войны — что ты сделал для фронта, для победы? Он вступил в бой лично с Гитлером, он его высмеял. А как известно, бесноватый фюрер от презрительной насмешки становился еще бесноватее, вспомним его «взаимоотношения» с Чарли Чаплином. Кстати, Мартинсон был первым после Чаплина актером, расявившим на экране фюрера. В фильме «Новые похождения Швейка» средствами карикатуры была обнажена звериная сущность маньяка. «Мартинсон создал великолепный гротеск, рисунок его остер, смел и едок», — писал Алексей Николаевич Толстой. Это был грозный смех.

А вспомните дорогой всем нам фильм «Подвиг разведчика». Вилли Поммер! Господи, ролится же на свет такой олух, такая великовозрастная орысица. Нет, это не Гитлер, это гитлерениш. Это был сильный, запоминающийся удар Мартинсона.

А с какой благодарностью вспоминаются его работы в фильмах «Антон Иванович сердится» и «Свадьба»! Какой душевный оптимизм, какая щедрость таланта необходимы, чтобы сыграть Керсинова или телеграфиста Ятя в суровые военные годы, когда, казалось бы, было не до шуток. Сколько добрых писем с сердечной признательностью пришло Мартинсону тогда полевой почтой! Как всякого настоящего солдата, война его не согнула, а, наоборот, всколыхнула в нем все лучшие силы, призвала его талант в яростный строй борьбы.

Творчество Сергея Александровича весьма уязвимо для придирчивого критика. Ведь гротеск требует только точного попадания. Иначе это просто суета, в лучшем случае смешная. Иными словами — неправда. У Мартинсона есть уж такой дотошный, такой привередливый критик, как дети. Они неправду не просто остро чувствуют, они ее не прощают. А вот Мартинсон — их любимый артист. И это проверено длинной вереницей фильмов — от «Золотого ключика» до недавней «Сказки о потерянном времени».

Ум, реализм в понимании своей задачи — вот что ввело искрометность Мартинсона в храм высокого искусства. И даже прописные истины у него начинают играть великолепным шрифтом. «Опасно в актерском деле, — пишет он, — не излишество актерской изобретательности а серость, не изощренность во внешнем рисунке, а его расплывчатость и вялость, не обостренная выразительность, а унылое «правдоискательство», нередко лишенное мысли».

Воистину, все жанры «ороси, кроме скучного. И это прекрасно доказывает Сергей Александрович Мартинсон.

● Народный артист РСФСР С. Мартинсон.

Фото Г. Тер-Ованесова.